

Территории клана Годжо мало чем отличались от таковых у клана Зенин, но ни про один из двух нельзя было сказать, что первый богаче второго. Обе семьи неизменно вкладывались в благоустройство собственных земель и, пожалуй, именно клан Годжо стремился идти в ногу со временем, не придерживаясь настолько радикальных точек зрения, как это делали Зенин.

Годжо Сатору, его брат Канаме и отец Макото легко прошли через пропускной пункт у традиционных ворот клана, которые в нынешнее время скорее отдавали дань прошлому, чем выполняли действительную функцию — какому психу может прийти в голову попробовать пролезть на территорию к могущественным пользователям проклятой энергии? Впрочем, даже если такой «смельчак» и найдётся, то подавать признаки жизни он перестанет в течение часа, большая часть времени от которого будет занимать именно допрос. А вот кому поопаснее до этих ворот дела нет в принципе вообще — даже если не проклятыми техниками, то голой силой они способны прорваться вполне. Ведь все три Великих клана мира шаманов не стали достаточно важными, чтобы над своими поместьями установить чистые барьеры самой почтенной Тенген, поэтому над своей оборонной они пекутся исключительно сами.

Заинтересованным взглядом мальчик скользил по окружающим его видам своими золотыми глазами: бамбуковые рощи, маленькие декоративные мостики через небольшие искусственные озёра, мини-пляжи из гладкой кальки у этих водоёмов, а также резные лавочки, сидя на которых, можно было созерцать всю эту вершину красоты архитектурной японской мысли. Нечто похожее было и у Зенин, но всё там имело вид такой зашористый, будто прибыло в обманчиво свежем облике в современный мир прямиком из века так шестнадцатого. И это было несколько разочаровывающе, Канаме в глубине души ожидал от своей семьи чего-то посolidнее, ведь это именно что его семья. Но получилось так, как получилось. Всё равно величественно. По-прежнему напыщенно. Отвратно.

Почти сразу же, как только он родился здесь, в его голове рождалось множество всяких мыслей, не каждая из них являлась приятной, но все они неизменно грызли его, терзали. Они были противоречивыми: понукали, молили остановиться, злили, успокаивали, обвиняли, называли невинным, унижали, хвалили его. Смотря на эту картину своего собственного дома, от которого был отлучён с самого рождения, Канаме не знал, что ему нужно чувствовать, на чём остановиться. Ему всё ещё хотелось разнести здесь всё, уничтожить тех, кто посмел изгнать невинного младенца из собственного дома. Перед глазами всплывал ужас родной матери, деда, отца, а в сердце пылала страшная ненависть. Все они отказались от него, бросили его, а некоторые даже и забыли, как страшный сон, многим они врали, что он даже не существует и никогда не существовал. Неприятное чувство.

Сегодня в его жизнь ворвался Сатору, уникальный ребёнок, вызывавший у Канаме особенно много ненависти: он невероятно везуч, все ему потакают, все о нём заботятся и терпят любые его выходки. Канаме убил всех, кто при нём расхваливал его старшего брата, позже упоминание этого имени стало табу в той «деревне», в которой он жил. Достигнув своего пика в один день, уже на следующий мерзкие голоса из головы пропали, и мальчик с тех пор мог дышать свободно. Мир открылся с новой стороны, стали видны чужие улыбки, переживания, радости и несчастья... В конце концов Канаме смог проникнуться своей няней, передав ей имитацию собственного сердца, которое могло биться вместо его настоящего. В тот-то момент демоны и пропали из его мыслей. Даже злоба по отношению к Сатору и другим людям начала отступать.

Сейчас Канаме чувствовал, сколь медленно, но как неотвратно к нему подступают и

приближаются эти твари. Ему вновь предстоит пройти через этот искажающий ад, столкнуться с тем, что существует исключительно из-за его полномочия жадности, с обратной стороной медали этой абсурдной силы. Он бы отдал всё ради изъятия ведьмино гена жадности из себя. У него было столько возможностей, но каждая из них требовала страшной платы, от которой непременно хотелось отказаться. Канаме мог жить вечность, и всю эту вечность ему пришлось бы создавать имитацию своего сердца в других людях, чтоб избежать окончательного сумасшествия.

Он не помнил, чтобы такая проблема преследовала оригинального архиепископа жадности Регулуса Корниаса. Возможно, такая уникальность проявилась как раз из-за того, что оригинальное полномочие было искажено, но она в любом случае была невыносима. Ему в срочном порядке нужно построить с кем-то близкие отношения, пока проклятье не набрало обороты в полную силу, иначе он может свихнуться окончательно. Мальчик не знал, почему лжеангел — или кто бы там ни был ещё — избрал именно его для того странного казино перерождения. Канаме до сих пор не получил никаких ответов, но от одного воспоминания о том бессмысленном взгляде у, казалось бы, должного быть светящимся существом по его спине пробегался табу́н мурашек. Эти сцены нередко снились ему в кошмарах.

— Канаме... — Во время пешей дороги шестиглазый мальчик неожиданно заговорил, неуверенно, но без дрожи в голосе. — Не совсем понимаю, почему ты решил, что я в чём-то виновен, но я ничего тебе не сделал. На самом деле я хочу подружиться с тобой.

Годжо Макото вздрогнул ещё после первого неожиданно вылетевшего изо рта его сына слова. Миг ушёл на осознание произошедшего, а затем отец мальчиков бросил быстрый взгляд на младшего, оценивая его реакцию: удивлён и задумчив. Приблизительно. Что там творилось в его голове — разобраться было едва ли возможно, но прямой агрессии или признаков её неминуемости он пока что не проявлял и это был очень хороший знак. Значит всё не так плохо, как казалось изначально, и мальчик вполне способен на диалог даже после смерти близкого человека или же, может, как раз из-за этого он и стабильнее, чем обычно? Крайне опасный и настораживающий момент. Но пока что вмешиваться не стоило, это как раз таки и может довести златоглазого до состояния бешенства, настолько он не любил бесцеремонность. А когда Канаме злился, то обязательно что-то ломал. Или кого-то.

— Серьёзно? — На лице младшего отразилось недоумение. — Подружиться? Ты говоришь об этом сейчас?

— Ну да. — Больше не чувствуя со стороны своего неожиданно появившегося родственника недобрых намерений, Годжо Сатору стал значительно увереннее. — Раньше не получилось.

Уточнять, почему не получилось, ребёнок не стал. Этому мальчишке, наверное, сейчас вообще впервые в жизни стало неловко.

— Я не про это. — Слегка нахмурившись, ответил Канаме, а затем, задумавшись и будто выдавывая из себя следующие слова силой, продолжил: — Я был груб с тобой. Ты действительно хочешь подружиться?

— Конечно! — Широко ухмыльнувшись, излишне громко ответил мальчик. — Ты же мой брат, как я могу с тобой не дружить?

Канаме мог только хмыкнуть. На месте члена своей семьи он бы затаил страшную обиду после произошедшего и точно не думал бы ни о какой дружбе. Это бы даже не обсуждалось. А тут вот так, ещё и сходу... Но ладно, в целом это было для него неважно. Аномалии магического мира

всё ещё хотелось отказать даже в такой банальности из-за прошлых обид, но он сдержался. Ему было необходимо сдержаться и пойти навстречу, так как вопрос с голосами в голове всё-таки следовало решить в срочнейшем порядке, а иначе всё может очень плохо закончиться — для остальных и, самое главное, для него лично. Канаме прекрасно осознавал, что он уже ненормален, но углубляться в этот омут безумия ему едва ли хотелось. Он мог управлять своим телом так, как ему угодно, но остановить именно это без выполнения конкретного условия было попросту не в его силах. И этот факт прямо-таки вымораживал его, давя на его чувство справедливости, работающее только на него самого.

— Ладно. — Скупой ответил младший брат носителя шести глаз.

— Круто! — Радостно и довольный ответил Сатору, в тот же миг кладя свою руку размашистым жестом прямо на плечо Канаме. — Как закончишь со своими делами, не хочешь сыграть вместе со мной в приставку? А потом можем вместе погулять! Поговорить ещё можем...

Кажется, один из двух беловласых братьев глубоко задумался, уже представляя, как будет проводить время с новым родственником. Который непременно поймёт его — всё же он его возраста и так талантлив, разве может быть иначе?

На моменте телесного контакта, который мог быть расценён Канаме в качестве «грубости», веко Макото нервно дёрнулось. Но ничего не произошло. Относительно спокойные деньки, которыми обладал даже он, целый заместитель главы клана Годжо и будущий кандидат на этот пост, в ближайшее время теперь уж точно не появятся — сомнений это не вызывало. Но ничего, бывало и хуже. В конце концов не один только Канаме здесь ненормальный, у каждого пользователя проклятий и шамана есть какой-нибудь "выверт" сознания.

<http://tl.rulate.ru/book/96477/3429209>